

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ И ЛЕВЫЕ СИЛЫ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ. (ПО СТРАНИЦАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Е. В. Курбакова, О. Г. Савка

Московский технологический университет

Поступила в редакцию 19 января 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается формат сотрудничества и соперничества либеральных и левых политических сил России на протяжении полувека вплоть до эпохальных событий 1917 года.

Ключевые слова: либерализм, левые политические силы, формат сотрудничества и методика преемственности идеологической работы.

Abstract: the article looks at the format of cooperation and rivalry between the liberal and left-wing political forces of Russia through a half a century before the epoch-making events of 1917.

Keywords: liberalism, leftist political forces, the format of cooperation and the methodology of continuity of ideological work.

Несмотря на очевидную полярность правого и левого лагерей в событиях начала XX в., либеральные силы — левый фланг «правых» — уже на самом раннем этапе ведения легальной работы за «освобождение» открыто заявили о своем союзе с социалистами. Накануне открытия избирательной кампании во Вторую думу один из основателей конституционно-демократической партии В. Набоков в ноябре 1906 г. писал: «...программные разногласия между нами и нашими левыми товарищами совершенно отступили на задний план» [1, 2000.]. Что же было на «переднем плане» у кадетов и их левых «товарищей»? Что могло их объединять?

Цель сотрудничества была одна: изменение жизни в России для того, чтобы восторжествовала «народная свобода». Но понимание свободы, путей и средств ее достижения было разным. Лидеры одних группировок настаивали на воцарении конституционного строя с сохранением монархии, другие являлись приверженцами диктатуры пролетариата. Одни полагали необходимым дать движение реформистским процессам, другие утверждали необходимость обобществления средств производства революционным путем. Одни провозглашали необходимость ведения войны до победного конца, другие призывали пролетариев всех стран соединяться для борьбы с общим врагом — империализмом. Иначе говоря, целью каждой политической силы было получение власти, и на пути к этой цели помощь тех, кто был противником самодержавия, не представлялась лишней. И чтобы не оказаться «страшно далекими от народа», либералы стремились приблизиться к нему вместе с представителями любых политических группировок, кроме монархистов. Они полагали, что на фоне радикальных идей социал-

демократов тезисы их собственной программы будут являть больше жизненной силы и завоеуют все большее число сторонников установления «народной свободы» в России посредством заимствования достижений буржуазно-демократических политических режимов европейских стран. Однако реализация стремления либеральных деятелей к «построению в России гражданского общества и правового государства эволюционным путем» [2, 6] привела к осуществлению грандиозной идеологической работы деструктивного характера.

Разрушительные идеологические процессы были запущены в России за полвека до Февраля и Октября 1917 г., и у их истоков стояли не «левые» силы, а левый фланг «правых» сил. Их родственность была неочевидной, но на русской почве вполне органичной: Петром Струве, радевшим за объединение усилий конституционно-демократических и социал-демократических политических группировок в борьбе с царизмом, в марте 1906 г. было отмечено, что «фактически русская с.-д. является в гораздо большей степени фракцией интеллигентской, чем рабочей» [3, 202]. Другими словами, расшатывать основы государственного строя в России начали либералы, а радикальные левые силы лишь переняли у них эстафету.

Шатание в умах и «расшатывание» ситуации в стране начиналось с 1860-х гг. вполне невинно, но масштабно. Публикации прессы весьма наглядно демонстрируют противостояние представителей интеллигенции властным структурам разного уровня. «Прошу у Вас, почтенный читатель, извинение, во-первых, в том, что представил вам фельетон не в том виде, в каком желал, — в этой стилистике обратил к читателям «Нижегородского ярмарочного справочного листка» публицист, пожелавший скрыться под псевдонимом, — это случилось по обстоятельствам, совершенно не от меня зависящим,

и потому я обещаю себе писать повнимательнее, не вдаваться в резкие вопросы, разъяснение которых может повести к какому-нибудь серьезному делу, а просто заниматься болтовней, — даже как можно меньше касаться и тушевки — потому что один очень милый и холостой человек нашел прошедший фельетон пошлым и безнравственным. Это — то же, как если б я, например, заметив, что в одном известном здании есть трещина, стал винить в этом строителя оно: употребили неподходящие материалы... ну, и треснуло. Вычеркнули у меня многое — ну, и фельетон с трещиной! Так вы меня не очень браните, читатель, а вместо того, чтоб браниться, поступите вежливее, — не читайте совсем, это для меня и для вас лучше будет. А кому угодно, давайте опять дружески продолжать болтовню» [4, 1]. Смысл приведенного отрывка (начало фельетона), помещенного на первой полосе газеты, позволяет утверждать, что губернский инспектор по делам печати прилагал усилия к правке текста данного автора для предыдущего номера ежедневного «Листка», но в результате этого был «пропечатан» фельетонистом и, как свидетельствуют документы Центрального архива Нижегородской области [5], отставлен губернатором от обязанностей цензора. А «Варварский Пустынный» «варварствовал» из номера в номер. Таким образом, «продолжая болтовню», журналист касался многих аспектов жизни страны и города, а читатель привыкал воспринимать окружающее под призмой этого мертвящего скепсиса: «После долгой разлуки с вами, многоуважаемые читатели, я наконец вновь имею честь предстать пред очи ваши. Прежде всего поздравляю вас с открытием ярмарки. Поздравляю вас от души, тем более что решилась прежняя система раздвоения, что Нижний — больше не Китай. Почему? Сами знаете. Ведь и в Священном Писании сказано «да будет едино стадо и един пастырь». Нижний не только больше не Китай, но, кроме того, он с каждым днем все сильней и сильней прёт в Европу... Позвольте мне познакомить вас с тем, что сделалось у нас нового в ваше отсутствие. Во-первых, отштукатурена часовня подле католической церкви; потом воздвигается новая часовня около сада железной дороги — итого две новых часовни, две новых кладницы, куда вы ежедневно можете вкладывать лепту от избытков ваших. Во-вторых, на ярмарке выстроено много новых корпусов по шоссе; в-третьих, очень красиво отделана биржа, и все это для вас, дорогие ярмарочные жители! Вы увидите во всем заботу о вас. Часовни — это забота о спасении душ ваших; каменные корпуса — забота о предохранении вас от огня; биржа — это забота о том, чтобы сгруппировать вас в одном месте, где бы все торговые сделки ваши вам ничего не стоили. Ведь обыкновенно для этих сделок прежде обращались в трактиры, а там всегда лишняя копейка выйдет

то на чай, то на водку, а то, пожалуй, и на шампанское. На бирже же ни одна сделка гроша не будет стоить...» [6, 1].

Подобный скепсис свободолюбивых мыслителей 1860-х гг. сменился ядовитой иронией 1880-х: «...нелепые распоряжения [Александра III. — прим. Е. К., О. С.] вызывают хохот Европы... Европа ждет, что будет, т.к. продолжение настоящего порядка невозможно. Великий учитель большинства современных социалистов [Карл Маркс. — прим. Е. К., О. С.] за год до своей недавней смерти писал, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» [7, 6—7], — так размышляли социалисты, предпочтя теорию Маркса идеям, жизненная сила которых без малого тысячелетие укрепляла Россию. Чуть позже отрекшийся от своих юношеских экстремистских помыслов Лев Тихомиров вспоминал: «В какую-то реакцию старинному «не рассуждать — повиноваться» нас всех вели по правилу: «не повиноваться — рассуждать». Наши воспитатели решительно не понимали, что первое качество действительно развитого разума есть понимание пределов своей силы и что насколько рассуждение обязательно в этих пределах, настолько оно даже неприлично для умного человека вне их, где именно разум и заставляет просто «повиноваться», искренно, сознательно подчиняться авторитету» [8, 16—17].

Стремление обвинять всех, кто сколько-нибудь явно обозначал озабоченность положением народа, но стремился дать ему свободу не в том объеме и не в те сроки, которые «передовые» общественные силы считали необходимыми, коренилось в народовольческом прошлом русского освободительного движения. «В России не только представители в печати различных бледных оттенков русского либерализма выдвигают на первый план экономические интересы большинства, но еще самые реакционные стремления, самые обскурантские идеи прикрываются маской любви к простому народу, маскою защиты крестьянского мирозерцания и крестьянских интересов», — так по поводу заботы либералов о народе еще в 1883 г. иронизировал Петр Лавров [7, 11]. Однако, отделив подлинных радетелей за народ (социалистов) от либералов, в той же статье Лавров связывает идеи борьбы за социализм с отстаиванием «требований индивидуализма» — что, по существу, есть основа позиции либеральных идеологов: «Справедливость становится реальной задачей в общественном строе, где самое широкое развитие личности и самое полное развитие требований индивидуализма не только не противоречит стремлению солидарности между людьми, но составляет основное условие этой солидарности» [7, 14].

Эклектика взглядов П. Лаврова, выраженная в 1880-е годы посредством сопряжения позиции народовольца-социалиста и защитника интересов

индивидуума, может быть «расшифрована» Л. Тихомировым, «отболевшим» заблуждениями необходимости революционных воздействий на российскую действительность. «Что общего между смиренным либералом и революционными крайностями? — писал он в 1890 г. — Само собой, революционные крайности вытекают не из положительных требований либералов, сами революционеры над ними смеются, как над глупостью и непоследовательностью. Революционные крайности вытекают из общего мирозерцания, которое в одну сторону создает недодуманные до конца, половинчатые, а иногда иезуитские либеральные требования, в другую же — вполне логично и последовательно стремления революционные... Либерал только и мечтает, как бы не додумать до конца. Революционер все спасение ищет в том, чтобы дойти до самого последнего предела. Но судьба обоих одинакова — оба осуждены дойти до противоречия с действительностью, откуда их ничто не может вытащить, кроме реакции» [8, 32—33, 122]. Так, рука об руку, либералы и социалисты «вошли» в революционную эпоху начала XX в.

Партии конституционных демократов, игравшей важнейшую роль в идеологической работе по продвижению процессов либерализации жизни в стране, как и большинству либерально настроенных земских деятелей на «местах», союз с социалистами не представлялся опасным. Пресса конституционно-демократической партии, занявшей в Первой государственной думе самые важные посты, писала о необходимости широкой работы с населением. В «Провинциальном отделе» «Вестника партии народной свободы» регулярно помещалась информация о том, что представители партии выезжали в регионы, знакомили единомышленников со своей программой и были настроены на увеличение численности своих сторонников. Так, в № 18 от 6 июля 1906 г. сообщалось, что «в Нижнем Новгороде членом центрального комитета к.-д. партии Коллюбакиным был сделан доклад на тему «Государственная дума и ее тактика». Начав с характеристики тех общественных сил, которые до сих пор участвовали в освободительном движении, докладчик подчеркнул, что лишь путем совместной дружной работы левых партий в думе можно добиться благоприятного исхода освободительной борьбы». В том случае, если сторонники либеральной общественности будут смущены «отсутствием в нашей программе [программе конституционно-демократической партии. — прим. Е. К., О. С.] прямых указаний на социалистическую доктрину как на руководящее начало программных построений, этим лицам, не разглядевшим леса из-за деревьев, придется указать на заключительные строки брошюры А. Чупрова «Конституционно-демократическая партия и социализм» [9, 2080]. Известный экономист и статистик кадет А. Кауфман в обзоре, касающемся формата деятельности левых

сил в масштабе общей освободительной работы в России, ссылался на то, «как учила социал-демократия в конце 1860-х гг.» [10, 1798], видя в этом принятые общие положения программного характера.

Начиная с 1906 г., коалиция левого лагеря правых сил с социалистами реализовывалась, в частности, в том, что партия кадетов «в блоке с социал-демократами издавала «Симбирскую народную газету». И когда П. Струве в ноябре 1906 г. заявлял: «...в нашей партии могут быть и работать убежденные социалисты», а «доктринальному социализму», который «громко провозглашает отрицание принципа частной собственности, должно и может быть противопоставлено понимание реально-политическое, живое и жизненное» [11, 8], — эти тезисы идеолога конституционных демократов воспринимались подчас как программные положения социалистов, «реально-политически» борющихся за национализацию частной собственности без учета интересов индивидуума в целях благополучия социума как единого организма.

Февральская революция 1917 г., в результате которой либеральные силы России пришли к власти в стране, только укрепила их союз с социалистами. В ситуации хаоса в России накануне выборов в местные органы власти летом 1917 г. партия кадетов позиционировала себя как политическую силу, отстаивавшую самые широкие права всех слоев населения. Так, в передовой статье первого номера нижегородской газеты «Народная свобода» от 26 апреля значилось: «Созываемое через всеобщее прямое, равное и тайное голосование всех граждан без различия национальности, веры или пола, Учредительное собрание должно прежде всего определить образ правления страны. Партия народной свободы считает, что в России должно установить полное народоправство, демократическую парламентарную республику. Это значит, законодательная власть должна принадлежать народному представительству (Государственной думе), а во главе исполнительной власти должен стоять президент республики. Он избирается на определенный срок народным представительством и управляет страной через посредство ответственного перед народным представительством министерства». Но партия кадетов уже не смогла победить в предвыборной борьбе на местах, поскольку проиграла идеологическое противостояние громкой и радикальной программе левых.

Идеологи левых с легкостью находили доказательства того, что либеральная общественность лишь надевает маску союзника и доверять ей не стоит: «В области промышленности во время контрреволюции 1907—1914 гг. народился и сформировался финансовый капитал, — писал Бухарин. — Вместе с финансовым капиталом возникла и новая доселе невиданная формация империалистической буржуазии, политической выразительницей которой стала

так называемая «партия народной свободы». Прежняя либеральная оппозиция, опиравшаяся на технически прогрессивную буржуазию, превратилась в партию воинствующего империализма, добродушный либеральный профессор с народническими симпатиями, вроде старика Чупрова или Каблукова, — в злобно-го защитника великодержавности». Стремящаяся к власти партия большевиков ни с кем не желала делить вожденную ими власть и утверждала, что после событий 1905 г. все призывы к гражданскому согласию со стороны либералов стали являть не что иное, как «империалистски-патриотическое кликушество» [12, 15].

Один из видных идеологов социализма А. Богданов писал о либералах: «Во главе их движения шла несомненно просвещенная, интеллигентная буржуазия — ученые, писатели, адвокаты, образованные капиталисты. Старый порядок лежал на них тяжелым гнетом, и они становились на сторону освободительных стремлений» [13, 6—7]. Насколько тяжелым был этот «гнет» и в чем со стороны либералов состояли «серьезные основания быть недовольными самодержавием чиновничества и желать иных, более свободных порядков» [14, 10], автор не объяснял, ибо эти объяснения сделали бы очевидным полярный характер обвинений власти либералами и социалистами.

Политические установки либеральных и левых сил являют собой два противоположных полюса, на одном из которых — первостепенное внимание к отстаиванию интересов личности, на другом — государства. В то время как либеральные ценности сосредоточены в примате экономической и интеллектуальной свободы индивидуума, платформа левых сил зиждется на коллективистских идеалах. Либеральная идеология выражается в защите прав личности на основе плюрализма и высокой гражданской ответственности человека, идеология левых сил — в нивелировании личности с целью достижения «всеобщего равенства». Добившись того, чего хотели, представители «правлящего класса, политического истеблишмента были довольны Февральской революцией семнадцатого года. И вдруг неприятное открытие. Выяснилось, что они в России не одни» [15, 8] — радикальные левые силы ста-

ли овладевать массами посредством использования более резких, чем либеральные, идей и призывов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В. Тактические задачи партии к.-д. / В. Набоков // Вестник партии Народной свободы. — 1906. — 23 ноября. — № 38.
2. Егоров А. И. Отечественная историография российского либерализма начала XX в.: автореф. дис. ... докт. ист. наук / А. И. Егоров. — Череповец, 2010.
3. Струве П. Рабочие и конституционно-демократическая партия / П. Струве // Вестник партии Народной свободы. — 1906. — 19 марта. — № 4.
4. Варварский Пустынный. Нижний Новгород // Нижегородский ярмарочный справочный листок. — 1866. — № 5.
5. Центральный Архив Нижегородской области. — Ф. 2. — Оп. 5. — Д. 150. — Л. 1,2,5.
6. Варварский Пустынный. Нижний Новгород // Нижегородский ярмарочный справочный листок. — 1868. — № 3.
7. Лавров П. Задачи социализма / П. Лавров // Вестник народной воли. — Женева: Вольная русская типография. 1883. — ноябрь. — № 1.
8. Тихомиров Л. А. Начала и концы. «Либералы» и террористы / Л. А. Тихомиров. — Москва: Унив. тип., 1890.
9. Родионов Л. Формы партийной работы в провинции / Л. Родионов // Вестник партии Народной свободы. — 1906. — 30 ноября. — № 39.
10. Кауфман А. А. Объединительный съезд и аграрная программа социал-демократической партии / А. А. Кауфман // Вестник партии Народной свободы. — 1906. — 5 ноября. — № 35.
11. Струве П. Идеиные основы партии народной свободы / П. Струве // Вестник партии народной свободы. — 1906. — 10 ноября. — № 36.
12. Бухарин Н. И. От крушения царизма до падения буржуазии / Н. И. Бухарин. — Харьков: Кн-во «Пролетарий». — 1923.
13. Богданов А. А. Либералы и социалисты / А. А. Богданов. — Женева: РСДРП. — 1904.
14. Богданов А. А. Либералы и социалисты (Рабочая библиотека; № 2) / А. А. Богданов. — Санкт-Петербург: кн-во «Луч», 1905.
15. Млечин Л. «Каждый день я буду пьяный!»: революция вынесла на поверхность худших / Л. Млечин // Московский комсомолец, 2017. — 5 мая. — № 27387.

Московский технологический университет

*Курбакова Е. В., доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России и права
E-mail: art.s@list.ru*

Савка О. Г., кандидат исторических наук, профессор ка-

*федры истории России и права
E-mail: olga-savka@mail.ru*

Moscow Technological University

*Kurbakova E. V., Doctor of Historical Sciences, Associate
Professor, Professor of the Russian History and Law Department
E-mail: art.s@list.ru*

*Savka O. G., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Professor of the Russian History and Law Department
E-mail: olga-savka@mail.ru*